

В. М. Чичикайло

«ЛАДЬЯ ДАНТЕ» Э. ДЕЛАКРУА В САЛОНЕ 1822 ГОДА

В статье выявлен и охарактеризован первый опыт экспонирования картины одного из лидеров французской живописи романтизма Эжена Делакруа «Данте и Вергилий в аду». Показано, что Э. Делакруа сознательно обратился к творчеству Данте для своей дебютной работы. Выявлено, что работа вызвала неоднозначную реакцию публики и критиков, признание автора несколько затянулось.

Искусство Франции является во многом уникальным, новаторским и грандиозным. Оно необычайно повлияло на мировое искусство, подарив миру много произведений, направлений и жанров и прежде всего талантливых творцов, среди которых был и Эжен Делакруа – лидер французского романтизма в живописи.

Э. Делакруа, признанный еще при жизни, оставил будущим поколениям немало известных полотен, среди которых «Свобода, ведущая народ», «Захват Константинополя крестоносцами», «Резня на Хиосе», «Марокканец, седлающий коня» и др. Но восшествию на художественный олимп французской живописи он обязан своему первому Салону, произведению представленному широкой публике – «Ладье Данте».

Цель работы – охарактеризовать первый опыт экспонирования картины Э. Делакруа «Ладья Данте» в Салоне 1822 года.

Лидером романтического направления художник стал не сразу. Творческий путь живописца начинается с поступления в ателье Герена в 1816 году. Как педагог Герен отличался снисходительностью и никогда не подавлял склонностей своих учеников. Но подлинными наставниками начинающего художника стали мастера прошлого. В залах Лувра он изучал полотна П. Рубенса, колористику Д. Веласкеса, Тициана, П. Веронезе. Среди учеников Герена он обрел друзей: братьев Шеффер, Сулье и Теодора Жерико, ставшего его настоящим учителем. Во многом картина «Плот “Медузы”» последнего и вдохновил Э. Делакруа на его будущий дебют.

Вдохновленный искусством эпохи Ренессанса Э. Делакруа, как и многие французские художники того времени, намеревался посетить Италию за счет Римской премии от французского правительства, присуждаемой талантливым представителям искусства. Но, пренебрегший конкурсом на премию, он задумал и исполнил грандиозное произведение, заявившее о нем как о художнике.

К Салону 1822 года Делакруа выставил полотно «Данте и Вергилий в аду», известное сегодня под более коротким названием «Ладья Данте». Живописец кистью и красками взбудоражил современников, выразил чувства своего поколения: его смутение среди бедствий эпохи, его мужественное желание все познать, все превозмочь, через все пройти, не потеряв присутствия и силы духа. Здесь впервые Делакруа обратился к творчеству Данте, здесь же должны были найти отражение те мысли, которые возникали при виде картин Рубенса, «Восставшего раба» Микеланджело и гравюр с его «Страшного суда» [1, с. 10]. Открытие Салона состоялось 24 апреля.

Сюжет картины взят из «Божественной комедии Данте»: адские волны, грешники, вцепившись в борта лодки, могут вот-вот ее опрокинуть. Данте и Вергилий в лодке, пошатываясь, будто отгоняют от себя наплывающий рой видений, гонимый пепельным ветром [2, с. 27].

Э. Делакруа много почерпнул из творчества Данте, изучая по его трудам философию, богословие Средневековья. «Как я ненавижу всех этих рифмачей, с их рифмами, с их славами, с их победами, соловьями и лугами! – писал Делакруа в своем дневнике. – Многие ли из них действительно смогли бы передать то, что заставляет почувствовать соловей? А между тем их стихи набиты только этим. Когда же об этом говорит Данте, он остается всегда новым, как сама природа, и кажется, слышишь только его одного.

А у тех все искусственно прикрашено и создано рассудком. Многие ли из них могли изобразить любовь? Данте поистине первый из поэтов. Трепещешь вместе с ним, как перед живой действительностью. В этом он выше Микеланджело, или, скорее, этим он отличается от него, потому что и тот велик, но не этим даром правды» [3, с. 54].

Картина Э. Делакруа вызвала широкий резонанс у публики и художественных критиков, получив смешанные отзывы. Французский поэт Шарль Бодлер, общавшийся с многими французскими художниками и лично с Э. Делакруа, писал, «чтобы ясно представить себе глубокое смятение, в которое картина “Данте и Вергилий” повергла тогдашние умы, – изумление, оторопь, гнев, восторг, проклятия, энтузиазм, издевки и хохот, бушевавшие вокруг этого прекрасного полотна (верный признак его революционности), – вспомним, что среди учеников г-на Герена, живописца высоких достоинств, но деспотичного и нетерпимого, как и его учитель Давид, существовала в ту пору лишь маленькая горстка безвестных художников, которые втихомолку изучали старых мастеров и робко обменивались крамольными мыслями под сенью Рафаэля и Микеланджело. О Рубенсе же никто еще не смел и помышлять» [4, с. 72].

Ш. Бодлер оставил и собственное описание работы Э. Делакруа: «Данте и Вергилий пересекают адскую реку на ладье Харона <...> с трудом прокладывая себе путь сквозь сонмище грешников, которые осаждают лодку, пытаясь в нее взобраться. Лицо Данте, принадлежащего миру живых, покрыто зловещей бледностью; Вергилий увенчан темным лавровым венком, печать смерти лежит на его челе. Несчастные грешники, обреченные вечно стремиться к противоположному берегу, теснятся вокруг лодки. Один жадно цепляется за борт, но движения его слишком торопливы, и он вновь падает в воду; другой, крепко ухватившись за корму, ногами отталкивает тех, кто, как и он сам, старается подплыть поближе; двое других тщетно пытаются впиться зубами в ускользающий деревянный борт. Все проникнуто адским отчаянием и эгоизмом безысходности. Несмотря на видимость преувеличения в трактовке сюжета, в картине царят строгий вкус и чувство меры, придающие возвышенность рисунку, который иные суровые, но не слишком прозорливые судьи могли бы упрекнуть в недостатке благородства. Мазок широкий и уверенный, колорит простой и сильный, хотя и несколько резкий» [3, с. 71].

Сам Эжен Делакруа очень гордился своим дебютом в изобразительном искусстве: «В воскресенье я получил письмо от Феликса, – вспоминал Делакруа, – в котором он мне сообщает, что моя картина помещена в Люксембургском дворце. Сегодня уже вторник, а я еще весь полон этим; сознаюсь, что это дает большое удовлетворение и что каждый раз, как я об этом вспоминаю, мои дни окрашиваются радостью. Это главное, о чем я думаю теперь и что усилило во мне желание вернуться в Париж, где я, вероятно, не найду ничего, кроме скрытой зависти и быстрого пресыщения тем, что является сейчас моим триумфом» [4, с. 2].

Полотно «Данте и Вергилий в аду» было куплено правительством Франции за 2 тысячи франков, и, как упомянул в своем дневнике Делакруа, помещено в Люксембургском дворце Парижа. В 1874 году, уже после смерти автора, полотно было перемещено на постоянное хранение в Лувр.

«Ладья Данте» Делакруа стала одной из самых примечательных картин Парижского Салона 1822 года. Получив неоднозначные отзывы, она стала потрясающим дебютом для Э. Делакруа. Несмотря на это, и другие последующие знаменитые произведения живописца, его талант официально признали лишь спустя 30 лет после Салона, когда его приняли во французскую Академию художников. Это связано с тем, что и до Салона 1822 года, и после него художник восхищался искусством прошлого, серьезно занимался его изучением, уважал классическую основу искусства, однако его бунтарский дух и стремление к художественной свободе, меняли содержание этой основы. Позже Э. Делакруа начал писать полотна, которые основаны на сценах из современной жизни, ярчайших событиях из истории и культуры других стран, которые ему долгое время были неизвестны.

Литература

1 Прокофьева, М. Н. Делакруа / М. Н. Прокофьева. – М. : Изобразительное искусство, 1998. – 136 с.

2 Шарль Бодлер об искусстве / вступ. ст. В. В. Левика; Послесл. В. Мильчиной. – М. : Искусство, 1986. – 421 с.

3 Живопись французского романтизма. Выставка произведений из музеев Франции: каталог выставки / сост. и авт. вступ. ст. М. Леклотт, Э. Туссен. – М. : Советский художник, 1968. – 112 с.

4 Дневник : в 2 т. / пер. с фр. Т. М. Пахомовой ; ред. и предисл. М. В. Алпатова. – М. : Издательство Академии художеств СССР, 1961. – Т. 1. – 453 с.

УДК 94:373.3(476.2-37Добруш)«1943-1950»

С. В. Шешарук

**ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПЕРЕХОД К МИРНОЙ ЖИЗНИ:
ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕТИ ШКОЛ ДОБРУШСКОГО РАЙОНА
(ОКТАБРЬ 1943–1950 ГОДОВ)**

В статье рассмотрен процесс восстановления сети школ в Добрушском районе после освобождения его от немецко-фашистских захватчиков и в годы послевоенной пятилетки. Автором установлено, что первое послевоенное время и в годы четвёртой пятилетки активно возрождалась и расширялась сеть школ. Постепенно увеличивалось и количество учащихся, которые активно оказывали посильную помощь в восстановлении народного хозяйства района.

Война – это всегда испытание человека на прочность. На Добрушчине, как и на всей оккупированной территории СССР, после себя она оставила ужасающие разрушения, многие покалеченные судьбы и горечь утрат. После освобождения района от немецко-фашистских захватчиков начинался не менее трудный период в истории – время возрождения и восстановления разрушенного хозяйства. Огромный пласт работы предстояло сделать и в сфере образования.

Сразу следует обратить внимание на особенность административно-территориального характера региона. Дело в том, что в годы Великой Отечественной войны и вплоть до конца 1962 г. на территории нынешнего Добрушского района находилось два района – Добрушский и Тереховский. Именно поэтому в дальнейшем в статистических данных за этот период могут присутствовать данные как единого целого, так и без Тереховской зоны.

Всего через пятнадцать дней после освобождения г. Добруша от немецко-фашистских захватчиков, 25 октября 1943 г., начались занятия в средней школе № 1 имени И. В. Сталина. Данная школа осталась целой и нетронутой, поскольку всё время оккупации города в ней располагался немецкий штаб. Вероятно, именно поэтому гитлеровские захватчики и не успели взорвать помещение [1, с. 356].

Уже 24 ноября на Добрушчине (без учёта бывшего Тереховского района) функционировали 12 школ, в которых обучалось более чем 2000 детей. Помимо средней школы № 1, в отчётах за 1943 г. в числе лучших упоминались также Добрушская неполная средняя школа, школы в деревнях Берёзки и Огородня-Гомельская [1, с. 356].

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что восстановление сети школ сталкивалось с целым рядом трудностей, в первую очередь материального и финансового характера. Причём касалось это не только Добрушчины, но и Гомельской области, как и освобождённых территорий в целом. Например, не позднее декабря 1944 г. Гомельский обком КП(б)Б в отчёте «О проделанной работе по восстановлению народного хозяйства области» отмечал: «Школы совершенно недостаточно обеспечены учебниками (15–20 % потребности), с начала учебного года получено всего по одной тетради на ученика, почти отсутствуют наглядные пособия и оборудование кабинетов, школы имеют половину необходимого количества парт и классных досок. По области недостаёт 224 учителей» [2, с. 62].